

Проблематика
ВОЙНЫ
в гуманитарных
науках

Коллектив авторов Проблематика войны в гуманитарных науках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42855468

*Проблематика войны в гуманитарных науках. Сборник трудов второй всероссийской конференции «Проблематика войны в гуманитарных науках: история и перспективы исследования»:
ISBN 978-5-907115-47-7*

Аннотация

В сборник вошли труды учёных, представителей различных областей гуманитарного знания, объединённых общим интересом к прояснению сущности войны. Статьи объединены в три основных блока: история, философия войны и теория международных отношений. Книга адресована широкому кругу читателей – философам, историкам, специалистам по международным отношениям и международному праву, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами философии войны, этики, истории философии и политической теории.

Содержание

Война, история и культура	5
Смилянская Е.Б	5
Кауркин Р.В., Павлова О.А	25
Василенко Ю.В	45
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Проблематика войны в
гуманитарных науках.
Сборник трудов
второй всероссийской
конференции
«Проблематика войны
в гуманитарных науках:
история и перспективы
исследования»**

© Коллектив авторов, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Война, история и культура

Смилянская Е.Б

Начало военного присутствия России в Средиземноморье: блистательная операция с долгими последствиями¹

The article 'Commencement of the Russian Military Presence in the Mediterranean: a Brilliant Operation with Long Consequences' studies a special meaning of the Eastern Mediterranean for Russia since 1770-s, when Catherine the Great sent her naval forces to the region. The author discusses three long-term consequences of that military action: the presence in the Eastern Mediterranean became an attribute of a great power (for Russia economic or tactical reasons were secondary ones); in their interactions with Greek and Slave co-religionists and some anti-ottoman Arab rulers Russians poorly took into consideration differences of political cultures and very often failed to strengthen a support from peoples of the Levant; instead of reasonable motivations Russian activity in the region was frequently supported by mythological discourse of a special 'anti-barbarism' mission.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант а № 17-01-00261).

Ключевые слова: *Российская империя, Средиземноморье, Греция, Сирия, Архипелагские экспедиции российского флота, Екатерина II*

Key words: *Russian Empire, Mediterranean, Greece, Syria, Archipelago expeditions of Russian naval forces, Catherine the Great*

Война в Сирии и российская база на сирийском побережье Средиземного моря стали жаркой темой современной политики, добавив актуальности исторической оценке российских акций в этом регионе. Если современная военная ситуация в Восточном Средиземноморье пока является темой преимущественно дебатов политологов и военных экспертов, то анализ *истоков* российского присутствия в Средиземноморье позволяет осмыслить причины, по которым уже 250 лет средиземноморское направление занимает особое место в российской внешней политике.

Известно, что военные корабли России стали бороздить воды Восточного Средиземноморья с 1770 г. Выход эскадр российского флота из балтийских портов Ревеля и Кронштадта, их проход вокруг Европы получили большой международный резонанс. После Чесменской победы российской императрице в 1771–1773 гг. присягнули на подданство три десятка островов в Эгейском море, и тогда грекам была предложена возможность создания первый в Новое вре-

мя независимой от Османской империи конфедерации островов под покровительством империи Российской. Россия строила свою военно-морскую базу на острове Парос. Российский флот имел возможность контролировать в это время левантийскую торговлю Запада с Востоком, а командование экспедиции (прежде всего, граф А.Г.Орлов и адмирал Г.А.Спиридов) свободно вступали в переговоры и союзнические отношения не только с единоверными греками и славянами, но и с арабскими правителями на Ближнем Востоке: Али-беем и шейхом Захиром ал-Омером; российские суда и эскадра греческих капитанов, подчинявшаяся российскому командованию, дважды брали Бейрут. Однако вмешательство европейских держав и проблемы внутри страны не позволили Екатерине II надолго закрепить свои успехи. После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира с турками российский флот оставил и подданных императрицы на Эгейских островах, и союзников на Ближнем Востоке².

Между тем, эскадры военного флота Российской империи с тех пор продолжали бороздить Средиземное море, а широкая сеть российских консульств в Средиземноморье представлять интересы империи, покровительствовать ее подданным и православным единоверцам. Опыт Первой Архипелагской экспедиции повлиял на содержание так называе-

² См. подробнее: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в *Sociological Review* 37:574–81. Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011 (далее: Россия в Средиземноморье).

мого «Греческого проекта» Екатерины II (1782 г.), на деятельность Ф.Ф.Ушакова на Адриатике и в Восточном Средиземноморье в 1798–1800 гг., на задачи Второй Архипелагской экспедиции Д.Н.Сенявина 1805–1807 гг. А это, в свою очередь, уверило Николая I, внука Екатерины, в том, что «по своему могуществу... [Россия] должна иметь силу во всем Востоке» и имеет право на вмешательство в религиозные конфликты христиан на Ближнем Востоке и на политическую ситуацию во всем Восточном Средиземноморье³.

Что же позволяет говорить об особом интересе к Средиземноморью в российской истории и почему плодотворным здесь может оказаться изучение военного предприятия XVIII в.? Попробуем, обратившись к материалам Первой архипелагской экспедиции Российского флота 1769–1775 гг., ответить на три вопроса: 1) в чем причины интереса России к присутствию в данном регионе? 2) в ком находили опору и союзников в Средиземноморье? 3) как обосновывали российского вмешательства в дела региона? Также в заключении представляется важным наметить направления междисциплинарного сравнительного исследования военных акций России в Средиземноморье, на наш взгляд, не нашедших пока достаточного освещения в историографии.

Долгое время считалось, что Екатерина II решила от-

³ См. подробнее: *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских доносений. М., 2015. С. 66–68 и др.

править свой флот в Восточное Средиземноморье только в 1768 г./1769 гг., когда началась война с турками и возник план ударить по Османской империи силами Балтийского флота России с помощью балканских греков и славян. Было ли это лишь тактической составляющей военной операции? Безусловно, Восточное Средиземноморье в условиях русско-турецкой войны представляло особый интерес в связи с противодействием османской угрозе, но демонстрация всей Европе военно-морской силы России явно была рассчитана на большее⁴.

Тактический успех был важен, но Екатерина понимала военное присутствие в Средиземноморье как составляющую *большой политики великой державы*, каковой она мыслила свою империю; в ее время этот регион был центром мира, а, не имея своего присутствия на пересечении важнейших торговых и политических интересов, Россия продолжала бы оставаться империей периферийной. Правда, претензии Екатерины были весьма скромны — получение небольшого порта для пристанища военных судов. Зимой 1771 г. императрица собственноручно составляла послание Фри-

⁴ Уже опубликовано достаточно документальных подтверждений тому, что Екатерина готовила свое вторжение в регион с начала своего царствования, что, императрица по сути возродила идею Петра, который планировал вступление на Балканы, отправляясь в свой неудачный Прутский поход: *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // *История Балкан. Век восемнадцатый.* М., 2004. С. 55–63; *Лещиловская И.И.* Петр I и Балканы // *Вопросы истории.* 2001. № 2; *Ари Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013.

дриху Прусскому относительно возможных условий мира с турками, отметив в нем, что не считает чрезмерным в числе плодов «войны победоносной, но весьма дорогостоящей» получение одного острова в Архипелаге, чтобы разместить флот и торговать, притом это не будут «ни Кандия, ни Родос, ни Кипр, но какой-нибудь маленькой остров с хорошим портом, что не вызовет никакого неудовольствия [вероятно, держав Европы. – Е.С.], тем более что можно будет надеяться на гарнизон и что я обязуюсь иметь всего лишь ограниченное число офицерских кораблей»⁵. Таким образом, нарушив сформировавшийся баланс сил в Средиземноморье, Россия в 1770–1774 гг. заявила претензии на получение своей части «средиземноморского пирога», а также дополнительных рычагов давления на Османскую империю. Но прежде всего: приведя военный флот в Восточное Средиземноморье, Российская империя стремилась надолго там закрепиться и заявить о новом статусе державы.

На какую *опору* в данном регионе тогда можно было рассчитывать? Такой вопрос был решен задолго до начала войны: в Петербурге надеялись на православное население Балкан и, в особенности, на греков, неоднократно заверявших единоверных «россов» в том, что готовы при поддержке российского оружия восстать против османского владычества.

⁵ Собственноручные примечания Екатерины II на декларацию Порты 1770 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 79. Л. 5 об.–6. 4 января 1771 г.). См. также: Сб. РИО. Т. 20. СПб., 1877. С. 301–302.

Но реального военного взаимодействия с греческими отрядами на Пелопоннесе, куда прибыли первые две эскадры российского флота, не получилось. Совместные сухопутные операции потерпели крах, а греческое восстание 1770 г., вошедшее в историю как *Орлофика* (*'Orlov revolt'*), было жестоко подавлено. Греки винили русских за то, что те не смогли предоставить значительной помощи людьми и оружием, а русские считали, что именно греки не оправдали возлагавшихся на них надежд. Показательны в этой связи слова сожаления адмирала Г.А.Спиридова относительно «робости грецких народов», обращенные к греческим депутатам зимой 1771 г.: «Государыня императрица Екатерина Алексеевна, будучи известна о греках, стелящих под ыгом агарянским, соболезнаю о толь *бывшем храбром народе*, пришедшем в таковой *великой упадок и рабство*, что турков стали бояться, как бы малыя дети каких страшилищь...» (выделено мною. – Е.С.)⁶. Между тем, взяв под контроль после разгрома турецкого флота при Чесме острова Архипелага, уверившись в собственные силы и без поддержки греков, именно Спиридов не только попробовал привести греков к присяге на подданство Екатерине II, но и начал выстраивать систему новой государственности в так называемом «Архипелагском княжестве».

Авторство проекта «Архипелагского княжества», равно как и воплощение его в жизнь принадлежало не петербург-

⁶ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.

ским политикам и не самой императрице, рассуждавшей о «маленьком острове» и верившей в то, что греки *сами* в состоянии создать свое независимое государство, а командующему флотом в Архипелаге Г.А.Спиридову. Он вынужден был действовать на свой страх и риск: обратиться к греческим старшинам островов, предложив российское покровительство в обмен за уплату «посильных податей» и отказ от турецкого подданства. И когда старшины объявили себя подданными Екатерины II, Спиридов отправил реляцию в Петербург, при этом *очень удивив* и порадовав императрицу. Примечательно, что условия войны заставили адмирала продумывать вопросы государственного строительства на завоеванных греческих островах, тогда как в Петербурге так и не сложилось определенного представления о том, что делать с возможными завоеваниями в Средиземноморье и какой тип правления для них избирать⁷.

За тридцать лет до того, как адмирал Ф.Ф.Ушаков трудился над созданием Ионической республики Семи островов (1800–1807 гг.)⁸ Г.А.Спиридов уже создал пространный конституционный проект идеального, с его точки зрения, государственного образования в форме «республики» или «архидукства» объединенных островов, имеющих свой вы-

⁷ Смелянская Е.Б. Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015. С. 127–178.

⁸ См.: Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф.Ушакова в Греции, 1798–1806. М., 1983.

борный Сенат, свои органы местного самоуправления и судопроизводства, силы самообороны, определявший отношения церкви и светских институтов. Этот проект, долго незаслуженно не замечавшийся исследователями, может считаться одним из первых проектов возрождения греческой государственности с созданием институтов народного представительства. Но значение этого опыта можно оценить лишь в контексте аналогичных проектов государственного строительства эпохи Просвещения, исходя из понимания политической культуры, как российского военного командования, так и греческого населения. И если первое лучшим образцом государственного устройства почитало знакомые российские порядки (да и не должно было им предпочитать иного!), то второе не готово было ломать сложившиеся при османах патриархальные основы самоуправления, а лишь предполагало поменять «злого» иноверного сюзерена на «доброе» православное. В итоге как и в совместных военных акциях русских и греков, так и при первом опыте строительства нового политического образования на эгейских островах итогом было взаимное разочарование союзников и сомнение в надежности опоры на единоверцев.

Еще отчетливее различие политических культур и ожиданий от союзнических отношений проявилось в 1770-е гг. при контактах русских с *иноверными* арабскими правителями. Интерес к Египту и Сирии, а точнее к возможности использовать сепаратистски настроенных правителей этой ча-

сти Османской империи, появился, когда военный флот России уже был в Восточном Средиземноморье⁹. Этот интерес возник и в Петербурге, и в штабе Орлова с первыми известиями об успехах египетского правителя Али-бея, в 1770 г. объявившего о независимости Египта от Османской империи. В 1770 г. Али-бея оживленно обсуждали в переписке Екатерина и Вольтер, с осени 1771 г осторожные контакты с Али-беем стал налаживать глава Архипелагской экспедиции А.Г.Орлов., а весной 1772 г. к египетским берегам прибыли российские переговорщики — близкий к Орлову граф Иван Войнович в сопровождении небольшой «греческой эскадры»; в помощь Али-бею и его союзнику палестинскому шейху Захиру ал-Омеру эта маленькая эскадра без особого труда изгнала турецкий десант, взяв Бейрут. В сентябре 1772 г. на помощь осадившим Яффу Али-бею и Захиру были присланы и российские военные советники С.И.Плещеев и Клингенау, правда, ожидаемого арабскими правителями военного подкрепления тогда не последовало. Только в 1773 г. к сирийским берегам, правда, уже после поражения и гибели Али-бея прибыли две небольшие российские эскадры, снова взяли Бейрут, и даже получили письменные уверения правителя друзов эмира Шихаба и шейха Акки Захира Омера быть в «подданстве» Екатерины II. Но, как и с греками Ар-

⁹ Это подробно рассматривает И.М.Смилянская, чьими выводами я пользуюсь. См.: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. С. 333–411.

хипелага, в этом случае *покровительство* императрицы России, *присяга* и даже переход в российское *подданство* стали по большому счету лишь выражением разных форм сотрудничества с российским командованием. В политической системе региона господствовали личностные связи — вассальные или патрон-клиентские, и понятия «присяга», «покровительство», «подданство», зафиксировавшие это сотрудничество, все еще имели для левантийцев смысл не столько политико-юридический, как их определяет современное международное право, сколько репрезентативно-протекционистский, подобный выбору вассалом своего сеньора.

Таким образом, взаимодействие российских военных и с арабами в 1772–1774 гг., как и с греками, весьма красноречиво свидетельствовало о различии политических культур, военных стратегий и о преувеличенных ожиданиях партнеров. Разочарование в греках, которые оказались к удивлению российской императрицы и ее просвещенного окружения мало похожими на древних спартанцев, привели к тому, что дальнейшие планы освобождения Балкан и Архипелага от турок больше обсуждались с европейскими монархами, нежели с греческими депутациями. Опыт контактов с мятежными арабскими правителями также, кажется, имел весьма ограниченное применение, а между тем, недоучет этого опыта потом недешево стоил при планировании и проведении новых операций по утверждению российского

влияния в регионе¹⁰.

Отдаленность Восточного Средиземноморья от российских границ, недостаточная очевидность (как по экономическим, так и по политическим соображениям) необходимости российского присутствия в этом регионе всегда порождали одновременно с открытием военных действий активизацию действий иного рода – войны словесной и символических демонстраций освободительной миссии России против «варваров».

Первая Архипелагская экспедиция была отправлена Екатериной под лозунгом спасения греков, стонущих под «игмом нечестивых», как защита наследников античной цивилизации от османского *варварства*¹¹, даже как противостояние христианского и мусульманского мира (последний тезис Екатерина использовала в надежде на поддержку католиков). Для оповещения о своей праведной миссии по освобождению единоверцев российской императрицей были использованы, казалось бы, все имевшиеся в ее время каналы информации: российская и зарубежная периодическая печать, церковные проповеди, празднования побед.

Уже в 1769 г., когда флот отправлялся в Архипелаг в прессе была опубликована проповедь, включавшая обязательную

¹⁰ См.: Там же. С. 729–744; *Кобищанов Т.Ю.* Политика России на Ближнем Востоке в годы экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет и Сирию (1798–1801) // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2013. № 1.

¹¹ Примечательно, что своего союзника мусульманина Али-бея императрица таким *варваром* не называла, напротив, ища в нем *веротерпимость!*

похвалу Екатерине, которой Бог дарует: «ревность к освобождению церкви святой и всего Христоименитого достоинства от горького порабощения Сарацинского»¹². Вскоре о миссии *россов* стали произносить стихи лучшие поэты екатерининского царствования В. Майков, М. Херасков, В. Петров. В 1775 г. В. Майков и В. Баженов стали организаторами больших многомесячных торжеств в Москве, посвященных победе в Русско-турецкой войне. На этих торжествах обыграны были и преимущества от приобретения земель в Новороссии, и восторженно отмечен успех флота в Восточном Средиземноморье. В частности, тогда будущий московский митрополит Платон (Левшин) произнес: «Внезапу в отдаленнейших странах блеснул меч Россиан, и те места, которыя прежде во училищах малым отрокам только перстом на бумаге показывали, та самыя места начал воин наш попирать победоносными стопами своими. Внезапу храбрым российским воинством покрылись не токмо поля Влашския, Молдавския, Бессарабския, Болгарския, Херсонския, Кубанския, Черкеския, но и Колхидския и Морейския, и Негромонтския [в смысле Черногорские. — Е.С.], и берега Архипелажские, но при том могу сказать и Сирийские, и Египетские. Везде приносили с собою страх и любовь; страх противящимся, человеколюбие побежденным»¹³.

¹² Санкт-Петербургские ведомости. 1769. № 83. Прибавление.

¹³ Платон (Левшин). Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года иулия 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Платон (Левшин). Слова... М.,

В ходе войны пропагандистское оружие праздничных торжеств было нацелено на весьма обширную аудиторию и за пределами Российской империи: особенно значительны были праздники, устраиваемые А.Г.Орловым в Пизе (где по долгу пребывал Орлов и его штаб) и в Ливорно (где российские военные корабли находили пристанище), в Порт-Маоне на Менорке (где также принимали эскадры российского флота), в самом Архипелаге¹⁴.

Так, несколько европейских изданий описали российские праздники в Порт-Маоне с особенной иллюминацией: на фасаде собора появилась «перспектива, представлявшая армию и имя российской императрицы», а «на резиденции консула укрепили прекрасное искусственное пламя, которое с одной стороны пожирало турецкие мечети (вариант: зажженные огни представляли с одной стороны крест, торжествующий над турецкими мечетями), посреди чего читалась надпись «*Caterina Alexiovvona II. Imperatrice di tutte le Russie. Vivat. Vivat*». Екатерина II послала в дар местной греческой церкви Евангелие высотой два фута и шириной 15 дюймов в золотом окладе, чашу размером в полтора фута, два больших блюда и большой золотой крест¹⁵.

Передача даров российской империи православным еди-

1780. Т. 3. С.76.

¹⁴ Смелянская Е.Б. Символическое значение "русских праздников" в Средиземноморье в 1770-е годы // Е.Р.Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М., 2012. С. 164–172.

¹⁵ *Notizie del Mondo*. 1770. № 95. P. 777; *Gazette d'Amsterdam*. 1770. № 101.

новерцам являлась особым аспектом символического вторжения на новые территории¹⁶. Эти дары должны были подкрепить идею: российское присутствие в Средиземноморье является по сути *противовесом* военному насилию и призвано *защитить* православных от «ига неверных агарян». Уже при экипировке экспедиции, как известно, императрица дала распоряжения Синоду отправить на военных судах иконы, облачения, церковную утварь для раздачи в православные храмы и монастыри¹⁷. Исследование русских церковных памятников в Греции показало, что со второй половины XVIII в. поток таких даров, как от правителей, так от русских паломников и от греков, переселившихся в Россию, не прекращался. Золотые медали Екатерины, драгоценный кинжал А. Орлова на Патмосе, митры русской работы на Санторине и Паросе, оклады икон и книг на Тиносе и Наксосе оказываются важными свидетельствами многообразия путей, которыми Россия утверждала свое присутствие в Леванте. Щедрыми подарками Россия продолжала одаривать православное духовенство на Балканах, в Архипелаге, в Святой

¹⁶ О многообразии символического значения даров см., например: На языке даров. Прав символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг. / отв. ред. Г.Альтхоф и М.Бойцов. М.: РОССПЭН, 2016.

¹⁷ Судьба этих даров – дело непростых изысканий, которые мы проводили с искусствоведами и реставраторами во время экспедиций в Грецию в последние несколько лет. *Игошев В.В., Смелянская Е.Б.* Российские памятники в Греции и историческая память о российско-греческом взаимодействии в XVIII–XIX веках // Вестник РГНФ. 2013. № 2. С. 73–84.

Земле и в дальнейшем, подкрепляя этими дарами шаги по созданию собственных дипломатических и церковных миссий¹⁸.

Обращаясь к изучению причин и специфики акций России в Восточном Средиземноморье в XVIII и XIX–XXI вв. нетрудно заметить некоторые параллели, найти повторяющиеся сетования относительно несбывшихся надежд, обвинения в сторону нестойких религиозных и идейных союзников. И хотя я далека от прямого, не учитывающего исторического контекста, сравнения российских операций разных эпох, мне представляется, что анализ *истоков* средиземноморской политики России позволяет выявить ряд недооцененных перспектив изучения и позднейших конфликтов в этом регионе. Важно в сравнительной ретроспективе:

- определить влияние культурных и религиозных стереотипов на восприятие реалий и на поведение участников военных походов в «чужую» цивилизацию в разные исторические эпохи;
- проанализировав политическую культуру сторон конфликта, оценить соответствие форм и методов действий российского командования на занятых территориях сложившимся реалиям политических институций Запада и Востока

¹⁸ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006; Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013; Смелянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции.

и др.;

- наконец, оценить успешность работы власти с общественным мнением в своей стране и за ее пределами, а также резонанса, который, каждая военная операция получала в европейском и российском общественном мнении, формируя историческую память современников и потомков.

Постановка таких задач потребует, без сомнения, более широкого обращения к методологии исторической и политической психологии, компаративной культурологии, лингвистики, культурной антропологии, но, вероятно, в итоге позволит найти скрытые черты исторической преемственности и точнее оценить «человеческое измерение» войн и значение достигнутых в них успехов и допущенных ошибок.

Список литературы

Источники:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 79. Л. 5 об.–6.
2. Сб. РИО. Т. 20. СПб., 1877. С. 301–302.
3. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.
4. Санкт-Петербургские ведомости. 1769. № 83. Прибавление.
5. *Платон (Левшин)*. Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года иулия 10 дня (Успенский собор в

- Кремле) // Платон (Левшин). Слова... М., 1780. Т. 3. С.76.
6. Gazette d'Amsterdam. 1770. № 101.
7. Notizie del Mondo. 1770. № 95.

Литература:

8. *Ари Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013.
9. *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 55–63.
10. *Игошев В.В., Смелянская Е.Б.* Российские памятники в Греции и историческая память о российско-греческом взаимодействии в XVIII–XIX веках // Вестник РГНФ. 2013. № 2. С. 73–84.
11. *Кобищанов Т.Ю.* Политика России на Ближнем Востоке в годы экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет и Сирию (1798–1801) // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2013. № 1.
12. *Лециловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2.
13. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006.
14. На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг. / отв. ред. Г.Альтхоф и М.Бойцов. М.: РОССПЭН, 2016.
15. *Смелянская Е.Б.* Греческие острова Екатерины II.

Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015.

16. *Смилянская Е.Б.* Символическое значение "русских праздников" в Средиземноморье в 1770-е годы // Е.Р. Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М., 2012. С. 164–172.

17. *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011.

18. *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: Индрик, 2015.

19. *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции, 1798–1806. М., 1983.

20. *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о значении первого военного вторжения России в Восточное Средиземноморье в 1770-е гг. В центре внимания оказывается вопрос о причинах интереса России к присутствию в данном регионе и доказывається, что главным было закрепление статуса великой державы. Опорой России в регионе всегда считались православные единоверцы, но взаимодействие с ними, как и с временными арабскими союзниками, не давало желаемо-

го успеха из-за различия политических культур и нежелания осознать эти различия. Свою стратегию имела и война словесная, направленная на обоснование военных акций России в Средиземноморье.

Смилянская Елена Борисовна, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Кауркин Р.В., Павлова О.А

Некоторые наблюдения о потерях российской армии в войне 1914–1918 гг

The criteria for statistical analysis were the titles of the lower ranks, religious status, marital status. The study authors came to a conclusion: the lower ranks of the considered provinces he served in almost all military units of the Russian Imperial army and Navy; the greatest number of lowest ranks – privates; the bulk of the losses involved in hostilities is classified as «missing in action»; the majority of the lower ranks were of the Orthodox religion, but there are also Muslims, the believers, old believers, Jews, Catholics, Protestants.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Великая война, «Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны», «Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг.», потери, нижние чины российской императорской армии и флота.*

Key words: *the first world war, the Great war, «the Book of memory of Nizhegorodtsev – the lower ranks of the Russian army and Navy, the killed, deceased, missing in the First world war»,*

«the Voronezh Book of remembrance of the great war 1914–1918».

Первая мировая война коренным образом повлияла на судьбу многих европейских государств, в том числе и нашего. Впервые, в мировой практике в этой войне главенствовал принцип тотального уничтожения живой силы противника. И надо особо отметить, что, как и в любой войне, в первую очередь на ней гибли представители наиболее здоровой, в физическом и моральном планах, части общества. Россия единственная из стран ее участников, которая до 2013 г. не имела государственного Дня памяти жертв этой войны.

Как отмечает Е.С. Сенявская: «Только за период с начала войны до 1 марта 1917 г. число мобилизованных в русскую армию достигло 15,1 млн. чел., а общие потери личного состава к 31 декабря 1917 г. составили 7,4 млн. чел., из них безвозвратные — около 1,7 млн. чел., не считая свыше 3,4 млн. пленных»¹⁹.

Безвозвратные потери России в этой войне, по разным оценкам, составили от 1,5 до 3,5 млн. человек. Б. Ц. Урланис приводит следующий свод данных о погибших во время Первой мировой войны по различным источникам (Таб. 1.)²⁰.

¹⁹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЕН), 1999. С. 37.

²⁰ Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994. С. 558.

Таблица 1. Данные о погибших в Первой мировой войне
(в тыс.)

Автор, источник	Антигерманский блок						Германский блок			
	Россия	Франция	Англия	Италия	Румыния	США	Германия	Австро-Венгрия	Турция	Болгария
Дэринг	3000	1400	800	600	159	52	2000	1500	500	65
Французский журнал «Драпо блё»	1700	1385	934	465	159	51	2000	800	250	100
«Союз французских патриотов»	1700	1071	498	466	159	51	1677	688	437	-
Английский статистико-географический ежегодник	1700	1071	872	466	-	53	1600	688	437	-
Британский статистический ежегодник	-	1359	946	497	159	57	1824	-	-	70
Британская энциклопедия	1700	1358	908	650	336	126	1774	1200	325	87
Военное министерство США	1700	1358	908	650	356	126	1774	1200	325	88
«Большая Советская Энциклопедия» 1-е изд.	1800	1400	700	500	100	80	2000	1400	-	100

В работе «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации», вышедшей в издательстве Московского уни-

верситета указывается, что Россия потеряла в этой войне «погибшими в бою» 1 700 000 человек, раненые составили 3 850 000, «пропавшие без вести, пленные» исчислялись цифрой в 2 417 000, «военные потери на 1 млн. населения» равнялись 10 494 человека²¹.

В 2010 г. вышел первый том «Рязанской Книги памяти Великой войны 1914–1918 гг.»²² и «Указатели»²³ к нему. Это было первое подобное издание в нашей стране. Через два года были опубликованы второй том²⁴, а также «Дополнения к I тому»²⁵ и «Указатели»²⁶. Составители проделали гигантскую работу по выявлению и систематизации выявленного разнохарактерного материала. Общий объем этих публика-

²¹ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: Издательство Московского ун-та, 2014. С. 716.

²² Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Т. I. Составитель Григоров А.И. М., РосАрхив. 2010. Однако в «Предисловии составителя» первого тома Воронежской Книги памяти Великой войны 1914–1918 гг. А.И. Григоров пишет: «В 2006–2012 гг. нами выпущены 1-й и 2-й тома Рязанской Книги памяти Великой войны 1914–1918 гг.» // Воронежская Книги памяти Великой войны 1914–1918 гг. Составитель Григоров А.И. М., Московский Издательский Дом. 2014. С.2.

²³ Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Указатели к I тому. Составитель Григоров А.И. М.: РосАрхив. 2010.

²⁴ Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Т. 2. Составители Григоров А.И., Григоров А.А. М., РосАрхив. 2012.

²⁵ Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Дополнение к I тому. Составитель Григоров А.И., М., РосАрхив. 2012.

²⁶ Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Указатели ко 2 тому. Составители Григоров А.И., Григоров А.А. М.: РосАрхив. 2012.

ций составляет 3850 страниц (!) и включает в себя сведения по десяткам тысячам участникам Первой мировой войны.

В 2014 г. рабочая группа под руководством А. И. Григорова осуществляет еще несколько подобных изданий. В свет выходит первый том «Воронежской Книги памяти Великой войны 1914–1918 гг.»²⁷, «Приложения» к нему²⁸ и «Указатели»²⁹, общим объемом 2728 (!) страниц; «Крымская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов» том первый и «Приложения»³⁰; «Книга памяти «Черноморский флот в Великой войне 1914–1918 годов»»³¹; «Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 годов»³². К сожалению, все издания вышли сверхминимальными тиражами и, в силу этого, малодоступны исследователям. К 100-летию начала Первой мировой войны была опубликована «Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой вой-

²⁷ Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Т. I. Составитель Григоров А.И. М.: Московский Издательский Дом. 2014.

²⁸ Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Приложение к I тому. Составитель Григоров А.И. М.: Московский Издательский Дом. 2014.

²⁹ Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Указатели к I тому. Составитель Рогге В.О. М.: Московский Издательский Дом. 2014.

³⁰ Крымская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов. Дополнение к I тому. Составитель Составитель Григоров А.И. М., ООО МИД. 2014.

³¹ Книга памяти «Черноморский флот в Великой войне 1914–1918 годов». Составитель Григоров А.И. М.: Московский Издательский Дом. 2014.

³² Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 годов. М.: Московский Издательский Дом. 2014.

ны»³³.

Данные по безвозвратным потерям нижних чинов российской императорской армии и флота, представленные в перечисленных выше работах несколько отличаются. Это ни в коей мере не говорит о каком-либо упущении составителей, а характеризует состояние архивного материала, как в провинциальных, так и центральных архивах нашей страны. Они включают в себя как архивный, так и опубликованный материал и составлены по территориальному принципу. В частях Воронежской книг памяти, посвященных отдельным воинским соединениям, приведены сведения не только по указанным губерниям, а по всем выявленным служащим этих соединений. Таким образом, территориальный принцип в ней расширен до всей Российской империи. Данные раздела «Потери нижних чинов – уроженцев Воронежской губернии по «Именным спискам убитым, раненым и без вести пропавшим солдатам» опубликованным в центральной прессе Российской империи в 1914–1918 гг.» дублируются в «Разделах частные» и составлены по архивным материалам из фондов ГАВО, в которых материал разбит поурядно. Об этой особенности структурной компоновки материала пишет С.В. Волков во «Вступительном слове» к первому

³³ Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны. Ред. *Кауркин Р.В.* Н.Новгород. Деком. 2014.

тому Воронежской книги памяти³⁴. В отличие от Воронежской Нижегородская книга памяти составлена строго по территориальному и алфавитному принципам. Именные списки приводятся по административно-территориальному делению Нижегородской губернии на 1914 г., которая включала в себя одиннадцать уездов. Помимо уездов составители отдельно выделили раздел «Нижегородская губерния», в который вошли имена тех, в записях которых отсутствуют сведения об уездах и населенных пунктах, но они представлены в документах как уроженцы Нижегородской губернии или проживавшие в ней на момент их призыва в действующую армию. Исключение составляет лишь, помещенный в конце издания «Именных списков кавалеров Георгиевских крестов и медалей»³⁵. Приведенные сведения, как указывают составители, далеко неполные и, возможно, не всегда точные, но так они представлены в сохранившихся документах и публикациях.

Отличительной особенностью этой работы является то, что она посвящена исключительно нижним чинам. В то время, как предыдущие включают в себя и офицерский корпус, и военных чиновников, и медицинских работников и др. Обоснование данного подхода помещено в «Предисловии»: «Составители Книги памяти умышленно отошли от

³⁴ Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Приложение к I тому. Сост. Григоров А.И. М.: Московский Издательский Дом. 2014. С. 1.

³⁵ Книга памяти нижегородцев — нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны. Ред. Каркин Р.В. Н. Новгород. Деком. 2014. С. 363–371.

определенного стандарта подобных изданий, когда вначале представлены имена командного, офицерского состава и уже затем все остальные. Однако основную тяжесть войны преодолевали в первую очередь нижние чины. Именно они массово гибли, именно они составляли коренную народную силу, именно с них и необходимо начинать отсчет»³⁶. Источниковой базой «Книги памяти нижегородцев...» послужили данные фондов Центрального архива Нижегородской области, Государственного архива Нижегородской области г. Арзамас³⁷ и нижегородской периодической печати.

Количественный состав персоналий определен следующим образом — в «Книге памяти нижегородцев...» были обработаны все данные — 9659 имен, из «Воронежской Книги памяти...» сделана выборка в 9600 человек. Рассматриваемые численные данные вполне репрезентативны.

Разнохарактерность источников наложила отпечаток на полноту информации о том или ином участнике войны,

³⁶ Там же.

³⁷ ЦАНО. Ф. 2. Канцелярия нижегородского губернатора; ф. 5. Нижегородское губернское управление; ф. 332. Ардатовское уездное управление Нижегородской губернии; ф. 727. Нижегородский губернский комитет Всерос-23 сийского земского союза больным и раненым воинам и семьям призванных на войну; ф. 1963. Управление Балахнинского уездного воинского начальника Нижегородской губернии; ф. 1968. Управление Нижегородского уездного воинского начальника Нижегородской губернии; ГАНО г. Арзамас. Ф. Ф-51. Ардатовское уездное по воинской повинности Присутствие, и др. «Нижегородский земский листок», «Нижегородская земская газета», «Нижегородский листок», «Волгарь» за 1914–1916 гг.

представленной в этих изданиях. Однако не смотря на это, в целом эти сведения представляют достаточно объективную картину, которую можно представить через несколько разнохарактерных срезов.

Нижние чины рассматриваемых губерний проходили службу практически во всех воинских соединениях русской императорской армии и флота. Исходные данные позволяют детально представить общую, хотя, видимо, далеко не полную картину кем они служили.

Таблица 2. Звания нижних чинов в списках «Книги памяти нижегородцев — нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны»³⁸

Звания нижних чинов	Ардатовский	Араамасский	Балахнинский	Васильсурский	Горбатовский	Княгининский	Лукояновский	Макарьевский	Нижегородский	Семеновский	Сергачский	Нижегородская	Всего
Подпрапорщик	3	5	3	6	1	5	5	2	2	1	2	2	37
Фельдфебель	1	3	2	2	-	3	3	3	4	-	1	-	22

³⁸ Приведенные чины, звания, специальности и т. д. представлены в полном соответствии с источниками.

Ст. унтер-офицер ²¹	34	44	45	37	36	38	74	31	63	18	52	22	494
Мл. унтер-офицер ²²	39	44	23	45	1	33	78	32	63	20	44	6	468
Ефрейтор ²³	94	108	33	111	93	90	170	8	117	80	106	32	1082
Рядовой ²⁴	549	496	462	592	540	566	953	426	868	464	673	264	6853
Мастер ²⁵	-	-				-		-	-	2	-		2
Фельдшер	-	1	-	-	1	-	-	-	2	-	1	-	5
Санитар	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
Машинный кондуктор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Унтер-офицер 1-й ст. ²⁶	1	-	2	1	-	-	-	-	2	1	-	1	8
Унтер-офицер 2-й ст. ²⁷	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Матрос ²⁸	2	-	3	-	-	1	-	3	-	1	2	2	14
Данные неизвестны	2	4	4	6	2	1	0	-	3	543	4	22	671
Итого													9659

²¹ В данную графу включены так же: взводный унтер-офицер, старший фейерверкер, взводный фейерверкер, 1 человек с формулировкой «ст. лит.» — вероятнее всего это старший литаврщик — звание соответствовавшее ст. унтер-офицеру.

²² В данную графу включены так же: младший фейерверкер.

Таблица 3. Звания нижних чинов в списках «Воронежской книги памяти»

Звания нижних чинов	Кол-во человек
Рядовой ²⁹	6610
Младший унтер-офицер ³⁰	589
Старший унтер-офицер	476
Ефрейтор ³¹	1279
Подпрапорщик	64
Гренадер	478
Вахмистр, фельдфебель	9
Фельдшер, санитар	39
Полковой барабанщик, горнист, хормейстер	11
Данные не известны	36
Всего	9600

Основная масса потерь принимавших участие в боевых действиях относится к категории «пропал без вести». Даже суммарная цифра «убитых, умерших от ран и болезней, отравленных газом» и т. д. далеко стоит от этого показателя.

Приводимые ниже таблицы ярко иллюстрируют это.

Таблица 4. Категории потерь в списках «Книги памяти нижегородцев — нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны»

Категория потерь	Ардатовский	Арзамасский	Балахнинский	Васильсурский	Горбатовский	Княгининский	Лукояновский	Макарьевский	Нижегородский	Семеновский	Сергачский	Нижегородская	Кол-во человек
Убит ³²	139	170	141	135	92	89	279	127	305	301	148	50	1976
Пропадал без вести ³³	566	516	477	642	603	641	990	414	749	648	724	206	7176

Попал в плен ³⁴	1	2	2	1	1	1	5	-	3	30	2	1	49
Умер от ран ³⁵	6	10	11	7	2	4	9	2	22	31	3	11	118
Умер от болезни ³⁶	7	4	2	1	-	-	1	-	12	38	-	5	70
Умер в плену ³⁷	1	2	3	11	4	3	9	2	12	23	8	84	162
Умер ³⁸	5	1	6	-	1	-	-	-	19	59	-	4	95
Отравлен газом ³⁹	-	-	5	2	-	-	-	-	-	1	-	-	8
Отстал											-	-	2
Утонул		-		1	-	-	-	-	-	-	-	1	2
Самоубийство	-	-				-	-	-	1	-	-	-	1
Итого													9659

Таблица 5. Категории потерь нижних чинов в списках «Воронежской книги памяти»

Категории потерь	Кол-во человек
Без вести пропал	7188
Убит	2117
Умер от ран	196
Оставлен на поле сражения	66
Всего	9600

³³Пропал без вести в 1914 г., — 1917 г., «год неизвестен», считался пропавшим на 1918–1921 гг., «остался на поле сражения». Сюда так же включены: Вавин Сем. Ив. из Макарьевского уезда, который пропал без вести в период с 9 по 10 декабря 1914 г. (эти данные не пропечатались) и Корсаков Федор Иванов. из Семеновского уезда, судьба которого не установлена.

³⁴Попал в плен в 1914 г. – 1917 г., «год не известен», «считался находившемся в плену» в 1918 г., 1921 г..

³⁵Умер от ран в 1914 г., — 1918 г., «год неизвестен», «от несчастного случая».

³⁶Умер от болезни: чахотки, оспы, столбняка, воспаления легких, дизентерии, бронхита, от паралича сердца, от брюшного тифа, от холеры, перитонита; в госпитале, в госпитале от гангрены, исключен из списков батареи как отправленный на лечение и не вернувшийся.

³⁷Умер в плену в 1915 г. — 1917 г., «год неизвестен», «от туберкулеза», «от воспаления мозговой оболочки», «в резервном госпитале», «в креп. Госпитале», «в лазарете», «в лагере», «от воспаления слеп. кишки», «от холеры».

Особо следует отметить, что из многотысячного списка, приведенного в Книгах памяти лишь у двоих из Нижегородской указано «отстал» — это Соболев И. И. уроженец Горбатовского уезда и Горичев Н. В. из Нижегородского уез-

да³⁹. Даже если предположить, что они умышленно покинули войска — то их поступок носит явно исключительный характер.

Еще более уникальным представляется случай самоубийства «молодого солдата» 114-го запасного батальона Балова Константина «из крестьян Покровской волости Нижегородского уезда»⁴⁰. В последующие войны данные случаи будут носить уже, в той или иной мере, массовый характер.

Помимо звания, семейного положения и др., в Книгах памяти отмечалось и вероисповедание. Основная масса нижних чинов были православными, однако встречаются и мусульмане, единоверцы, старообрядцы, иудеи, католики, протестанты. Однако в архивных и особенно в печатных материалах конфессиональная принадлежность отражалась далеко не всегда.

Таблица 6. Вероисповедание персоналий в списках «Книги памяти нижегородцев...»

³⁹ Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны. Ред. *Кауржин Р.В.* Н. Новгород. Деком. 2014. С. 236.

⁴⁰ Там же.

Вероисповедание	Кол-во человек
Православный	9411
Магометанин	182
Старообрядец	48
Православный (по др. сведениям старообрядец)	1
Единоверец	1
Иудей	8
Католик	4
Лютеранин	1
Армяно-григорианской веры	2
Вероисповедание не установлено	1
Всего:	9659

Таблица 7. Вероисповедание нижних чинов в списках «Воронежской книги памяти»

Вероисповедание	Кол-во человек
Православный	8846
Католик	28
Иудей	11
Старообрядец	39
Вероисповедание не установлено	676
Всего	9600

Как правило, в сохранившихся архивных документах указано семейное положение погибших, пропавших без вести и т. д. В то же время, в провинциальных газетных публикациях

это не повсеместно нашло свое должное отражение. Поэтому цифры, приведенные ниже нужно воспринимать с определенной долей условности.

Таблица 8. Семейное положение персоналий в списках «Книги памяти нижегородцев...»

	Ардатовский	Арзамасский	Багахинский	Васильсурский	Горбатовский	Княгининский	Лукояновский	Макарьевский	Нижегородский	Семеновский	Сергачский	Нижегородская	Кол-во человек
Женат	592	531	247	560	576	557	1053	373	499	618	621	190	6417
Холост	72	99	144	123	88	117	111	99	147	162	131	53	1346
Вдовец	4	3	-	1	1	2	3		4	3	2	-	23
Данные не известны ⁴²	57	72	256	116	39	62	126	73	474	348	131	119	1873
Итого	9659												

⁴² Сюда так же включено 10 человек с формулировкой «женат (по др. сведениям холост)».

Из таблицы видно, что вдовцы являлись исключением из общей массы. Соотношение «женат» — «холост» предстает в цифрах как 6417 к 1346. В процентном отношении это выглядит как 66,44 % к 13,9 %.

Таким образом, получается, что женатых было почти в пять раз больше чем холостых. Если мы применим соотно-

шение «женат» — «холост» к графе «данные не известны» — то количество женатых возрастет до 7915 человек. Можно лишь догадываться, сколько вдовьих слез было пролито по всей России, сколько детей остались сиротами и пошли по миру.

Таблица 9. Семейное положение персоналий в списках «Воронежской книги памяти»

Семейное положение	Кол-во человек
Женат	7135
Холост	1437
Вдовец	64
Данные не известны	964
Всего	9600

Эта война, впрочем как и другие, которые вела Россия до и после нее, наносила в первую очередь урон людским ресурсам, общему генофонду страны. По данным Г. И. Шигалина в Первой мировой войне участвовало 22,6 % всего мужского населения Российской империи, а в армию было призвано 19 млн. человек⁴¹.

Установить поименно всех солдат и офицеров Русской армии и флота – погибших в Великой войне задача крайне сложная, а скорее всего невыполнимая в силу существующей

⁴¹ Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С.55.

сохранности архивного материала.

Список литературы

1. Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Т. I. Составитель *Григоров А.И.* М.: Московский Издательский Дом. 2014.
2. Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Приложение к I тому. Составитель *Григоров А.И.* М.: Московский Издательский Дом. 2014.
3. Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг. Указатели к I тому. Составитель *Рогге В.О.* М.: Московский Издательский Дом. 2014.
4. Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны. Ред. *Кауркин Р.В.* Н. Новгород. Деком. 2014.
5. Книга памяти «Черноморский флот в Великой войне 1914–1918 годов». Составитель *Григоров А.И.* М.: Московский Издательский Дом. 2014.
6. Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 годов. М.: Московский Издательский Дом. 2014. Крымская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов. Т. I. Составитель *Григоров А.И.* М.: ООО МИД. 2014.
7. Крымская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов. Т. 1. Дополнение к I тому. Составитель Составитель *Гри-*

горов А.И. М.: ООО МИД. 2014.

8. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации/ Под ред. *Л.С.Белоусова, А.С.Манькина.* — М.: Издательство Московского университета, 2014. — 816 с. С. 716.

9. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1018 гг. Т. I. Составитель *Григоров А.И.* М.: РосАрхив. 2010.

10. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1018 гг. Т. 2. Составители *Григоров А.И., Григоров А.А.* М., РосАрхив. 2012.

11. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1018 гг. Указатели к I тому. Составитель *Григоров А.И.* М.: РосАрхив. 2010.

12. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1018 гг. Дополнение к I тому. Составитель *Григоров А.И.* М.: РосАрхив. 2012.

13. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914–1018 гг. Указатели ко 2 тому. Составители *Григоров А.И., Григоров А.А.* М., РосАрхив. 2012.

14. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЕН), 1999. — 383 с.

15. *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. — СПб.: Полигон, 1994.

16. *Шигалин Г.И.* Военная экономика в Первую мировую войну. — М.: Воениздат, 1956.

Аннотация: Критериями статистического анализа стали звания нижних чинов, конфессиональное положение, семейное положение. В результате исследования авторы пришли к выводам: нижние чины рассматриваемых губерний проходили службу практически во всех воинских соединениях русской императорской армии и флота; наибольшее количество нижних чинов — рядовые;

основная масса потерь принимавших участие в боевых действиях относится к категории «пропал без вести»; в своем большинстве нижние чины были православного вероисповедания, однако встречаются и мусульмане, единоверцы, старообрядцы, иудеи, католики, протестанты.

Кауркин Радислав Вячеславович, к.и.н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Н.Новгород.

Павлова Ольга Анатольевна, к.и.н., доцент Нижегородского государственного инженерно-экономического университета

Нижегородская область г. Княгинин.

Василенко Ю.В

Карлизм в Испании XIX в.: война и проблемы политико- идеологической эволюции

The article is devoted to the ideological evolution of Carlism in the XIX century. The author demonstrates how the course of military action influenced the formation of Carlist political ideology, what role in this process was played by its leaders (Carlos V, Charles VI and Charles VII), and how the opposition between the radical and moderate vectors evolved within this movement.

Ключевые слова: карлизм, «карлистские войны», правый радикализм, Испания XIX века.

Key words: Carlism, Carlist wars, right radicalism, Spain in the XIX century.

Испанский карлизм — одно из наиболее радикальных контрреволюционных течений Европы XIX в., представители которого отважились начать три внутрииспанские войны (1833–1876) и приняли активное участие в гражданской 1936–1939 гг. Уникальность карлизма заключается в том, что это единственное контрреволюционное течение XIX в., которое продолжает существовать и в XXI в. Возникнув в

1833 г. первоначально как следствие внутрдинастического спора испанских Бурбонов о порядке престолонаследия, карлизм в течение первого десятилетия своего существования из юридической коллизии превращается в политическую идеологию, которую в целом определяют как «испанский традиционализм». При этом необходимо иметь в виду, что понятия «испанский традиционализм» и «карлизм» синонимами не являются, поскольку в Испании существует и некарлистский традиционализм, который имеет свою довольно длительную историю становления (Х.Л. Бальмес-и-Урпия и Х. Доносо Кортес). Более того, историческая реальность всегда намного сложнее любой концептуализации. В результате, как представляется, мы можем говорить о двух тенденциях в развитии карлизма как политической идеологии — радикальной (правый вектор в направлении потенциально праворадикального консерватизма) и умеренной (левый вектор в направлении потенциально либерального консерватизма), которые поочередно сменяли друг друга на протяжении двух последних столетий испанской истории.

В XIX в. одним из основополагающих факторов в соотношении двух активно формирующихся тенденций в развитии политической идеологии карлизма становятся так называемые «карлистские войны», которые можно назвать гражданскими лишь частично, поскольку само понятие «гражданства» в Испании в это время еще только формировалось. В результате все три «карлистские войны» выстраивались,

скорее, на более традиционных для испанской истории идейно-ценностных дихотомиях, чем являлись собственно внутри-гражданским конфликтом: Традиция vs Инновация, Католицизм vs Просвещение, Испания vs Анти-Испания и т. д. В данном качестве политическая идеология карлизма уходит своими корнями в позднее средневековье. Между тем, каждая из трех «карлистских войн» ассоциируется с определенным претендентом на испанский престол (Карлосом V, Карлосом VI и Карлосом VII соответственно) вне зависимости от того, какое реальное участие они принимали в военных действиях, и можно ли их вообще считать политическими идеологами карлизма, а не просто неким знаменем или символом всего движения, вокруг которого различные группы карлистов собирались «здесь и сейчас».

Первая карлистская война (1833–1839), начавшаяся стихийно, пока Карлос V переезжал из Португалии в Великобританию (что позволяет историку-традиционалисту Ф. Суаресу Вердегеру снять с него все обвинения в ее развязывании⁴²), завершилась также без непосредственного участия претендента на испанский престол. Несмотря на то, что остаточное партизанское движение в горах Наварры и Страны Басков продолжалось еще как минимум до 1840 г., считается, что официально война заканчивается с подписанием «Вергарского соглашения» (31 августа 1839 г.), которое, по

⁴² Suárez Verdeguer F. La formación de la doctrina política del carlismo // Revista de Estudios Políticos. 1946. № 25–26. p. 81–82.

мнению современного испанского историка П.К. Гонсалеса Куэваса, было «*нечто большим, нежели военный пакт между противоборствующими сторонами об условиях сдачи*»⁴³. Согласно соглашению, за карлистами, возвращавшимися в ряды национальной армии, сохранялись все их военные чины и звания, полученные во время военных действий. Второй момент носил сугубо политико-идеологический характер: командующий войсками королевы Изабель II генерал Х.Б. Фернандес-Эспартеро Альварес де Торо пообещал порекомендовать королеве «даровать или модифицировать фуэросы»⁴⁴ восставших провинций. Последнее можно было бы рассматривать как определенное достижение карлистов на данном этапе, однако именно оно обернулось в конечном итоге против них, поскольку благодаря «Соглашению» значительная часть умеренных карлистов во главе с генералом Р. Марото Исернсом, расстрелявшем в феврале 1839 г. нескольких несогласных со своей позицией миротворца радикалов и не испугавшегося угрожать самому Карлосу V⁴⁵, почувствовала себя удовлетворенной, в то время как радикальная часть движения во главе с генералом Р. Кабрера-и-Гриньо по прозвищу «тигр Маэстрасго» собиралась сражаться-

⁴³ González Cuevas P.C. Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días. Madrid: Biblioteca nueva, 2000. p. 91.

⁴⁴ Clemente J.C. El Carlismo en el Novecientos español (1876–1936). Madrid: Huerga y Fierro, 1999. p. 32.

⁴⁵ Ibid.

ся и дальше; другое дело, что получилось это у них по большей части только в Каталонии. 7 октября 1839 г. генерал Кабрера обратился к своим «добровольцам» с пламенной «Прокламацией», заявив – и, как пишет историк-карлист граф де Родесно, «электризуя и фанатизируя остатки карлистской армии»⁴⁶, — следующее: «Религия и Король просят новых усилий от нас; Король и Религия их получают»⁴⁷. «Кабрера тогда был прототипом экзальтации, иногда — жестокости»⁴⁸, — утверждает граф.

По нашему мнению, с аналогичных позиций выступил бы и «Наполеон карлистов»⁴⁹ капитан-генерал Т. де Сумалакарреги-и-де Имас, герцог де ла Виктория, если бы не был смертельно ранен 15 июня 1835 г. при осаде Бильбао. При этом, вытщив на себе первый этап войны (1833–1835) как военный лидер наваррского карлизма, Сумалакарреги едва ли мог выступать в роли политического идеолога. Однако в истории карлизма осталась его «Прокламация» (20 апреля 1834 г.). Обвинив в развязывании войны «конституционную систему», революцию — в предательстве «героической Испании», а «монархическое правительство» — в нестабильности, Сумалакарреги выражает уверенность в широкой соци-

⁴⁶ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. Madrid: Espasa-Calpe, 1929. p. 58.

⁴⁷ Proclama de Cabrera. Las guerras carlistas en sus documentos. Barcelona: Ariel, 1998. p. 94.

⁴⁸ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. p. 58.

⁴⁹ Sans Puig J.M. Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil. p. 48

альной поддержке династических прав «католического монарха» Карлоса V⁵⁰. Предоставив своим солдатам возможность подумать и сделать выбор между спокойной жизнью и верностью долгу, генерал призывал их «освободить родину от зла», обеспечить ее «спокойствие» и вновь сделать Испанию «обожаемой всей Европой»⁵¹.

Прямые призывы к политическому насилию, алармизм и упрощение социально-политической реальности превращали обоих генералов — Кабреру и Сумалакарреги — в потенциально праворадикальных консерваторов. Что же касается Карлоса V, то после заключения «Вергарского соглашения» он столкнулся с дилеммой, на чью сторону встать: умеренных карлистов во главе с генералом Марото или радикальных во главе с генералом Кабрера. Поддержав однозначно воинственные намерения Кабреры, Карлос V сделал вполне ожидаемый выбор в пользу радикалов, «более близких, — как пишет каталонский историк Х.М. Санс Пуиг, — ему по ментальности»⁵², — которую главный испанский специалист по истории карлизма Х.К. Клементе Муньос определяет как «интегристскую» (религиозно фанатичную)⁵³, — «запрограммировав» тем самым развитие всего карлистского дви-

⁵⁰ Proclama de Cabrera. Las guerras carlistas en sus documentos. Barcelona. p. 94.

⁵¹ Ibid.

⁵² Sans Puig J.M. Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil. Barcelona-Bogota-Buenos Aires-Caracas-México: Bruguera, 1976. p. 83.

⁵³ Clemente J.C. Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles. Barcelona: Martínez Roca, 2001. P. 199.

жения на многие десятилетия вперед. В этом контексте совсем не удивительно, что после личного приказа Карлоса V «все авторы карлистской идеологии называют Марото предателем»⁵⁴; притом что, настаивает Санс Пуиг, «нужно было быть большим фанатиком, чтобы не видеть уродливую роль дона Карлоса»⁵⁵.

Вторая «карлистская война» (1846–1849) формально становится результатом провала переговоров о внутрдинастическом браке между потомками Фернандо VII и Карлоса V; фактически же противоборствующие стороны просто в очередной раз попытались разрешить все существующие противоречия силой оружия.

Что показательно, непосредственно военные действия были начаты ветеранами первой карлистской войны – генералами Кабрерой и Х.Х.М. де Альсаа-и-Гомендио. И если второй был пойман правительственными войсками еще на француско-испанской границе и сразу же расстрелян⁵⁶, то «тигру Маэстрасго» первоначально сопутствовала удача. Соответственно, и первыми политическими идеологами второй карлистской войны становятся представители «партии войны», которые объясняли свои действия, как и положено всем радикалам, посредством коротких и простых слоганов, брачные же проблемы испанских королей отходили при этом в

⁵⁴ Sans Puig J.M. *Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil.* p. 84.

⁵⁵ *Ibid.* p. 85

⁵⁶ Rodezno, conde de. *Carlos VII, duque de Madrid.* p. 149–150.

лучшем случае на второй план. Так, наваррский генерал Х. Элио-и-Эспелета, у которого, по мнению наваррского католического историка Х. Ларрайоса Сарранса, во время второй «карлистской войны» были все шансы стать генералом Сумалакарреги, провозгласил такой лозунг, как «Карлос VI и забвение прошлого»⁵⁷; в то время как Кабрера апеллировал просто к «мужественным ветеранам»⁵⁸, не изобретая ничего нового.

Стараясь объяснить свою позицию более детально, генерал Элио в обращении к двум — наваррской и баскской — карлистским армиям с прямыми ссылками на манифесты Карлоса VI говорит о «необходимости создания чисто испанского правительства», подвергает критике «представителей партии, которая избрала своим лозунгом “порядок и свободу”» (т. е. правящую партию «модерадос»), и определяет «миссию» карлистского движения так: «Сохранить во всей чистоте и блеске святуя Религию наших отцов, уважать и защищать ее священнослужителей; окружить трон силой и престижем, необходимыми для его сохранения; усадить на него суверена, которого требуют справедливость и счастье нации; утвердить фуэросы и привилегии, которые в течение стольких веков обеспечивали процветание нашей стра-

⁵⁷ Larrayoz Zarranz J. La segunda guerra carlista en Navarra, 1848–1849. // *Príncipe de Viana*. 1956. № 63. p. 171–172.

⁵⁸ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. p. 150.

ны»⁵⁹. Добавив к этому призыв «К оружию!», Элио необратимо превращается в радикала.

Между тем, одна из главных проблем карлистов во время второй «карлистской войны» заключалась в том, что их лидер Карлос VI, занятый своими любовными делами в Лондоне и, как пишет граф де Родесно, «колеблющийся всегда в самые решительные моменты своей жизни»⁶⁰, так и не отважился появиться на театре военных действий, к чему его со всей политической логикой упорно призывали генералы⁶¹. Нерешительность Карлоса VI привела не только к поражению карлистских армий, но в конечном итоге и к отречению самого карлистского лидера в пользу своего младшего брата Хуана III, который, будучи по своим убеждениям «либералом», «не хотел его принимать»⁶². Через семь лет после окончания второй «карлистской войны», в апреле 1856 г., Карлос VI сделает по этому поводу официальное заявление: «...убеждение, которое я приобрел во время последней провальной попытки, в том, что усилия, предпринимаемые в мою пользу, всегда будут приводить к гражданской войне, которую я хочу избежать любой ценой. Поэтому я даю слово чести никогда больше не соглашаться на то, чтобы под-

⁵⁹ Larrayoz Zarranz J. La segunda guerra carlista en Navarra, 1848–1849. p. 172–173.

⁶⁰ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. p. 153.

⁶¹ Ibid. p. 151–160.

⁶² Ibid. p. 160.

нималось в Испании или ее доминионах мое знамя, и заявляю, что, если, к сожалению, в будущем кто-то упомянет мое имя, я буду считать его врагом моей чести и славы»⁶³. Одновременно в письме королеве Изабель II Карлос VI пообещал «никогда больше не вмешиваться в политические дела»⁶⁴.

Как пишет граф де Родесно, Карлос VI «был слабым и имел всегда отмеченную тенденцию к личному отказу от своих прав и представительства, но унаследовал от своего отца безупречное благородство и доказанную приверженность принципам дела»⁶⁵. Либерально-консервативный испанский историк К. Секо Серрано также интерпретирует «идеологическую позицию» Карлоса VI как «колеблющуюся, неопределенную» и «двусмысленную»⁶⁶. Правда, подобную неустойчивость испанский историк связывает с общей – левой – тенденцией в политико-идеологической эволюции карлизма от «чистой реакции» Карлоса V к традиционалистским «древним средневековым свободам» Карлоса VII. Закономерным следствием подобной эволюции становится, по мнению Секо Серрано, и первый серьезный раскол в лагере карлистов, которому вольно или невольно посредством своей примиренческой политики содействовал «альтер-эго» мо-

⁶³ Ibid. p. 188–189.

⁶⁴ Ibid. p. 189.

⁶⁵ Ibid. p. 190.

⁶⁶ Seco Serrano C. Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo. Barcelona: Ariel, 1973. p. 82–83.

лодого Карлоса VI Бальмес, а целенаправленно – либерально-консервативный «британский кабинет» во главе с лордом Пальмерстоном, с холодным расчетом, по словам Санса Пуига⁶⁷, подталкивавший претендента пойти «по либеральному пути»⁶⁸.

Набиравшая силу по мере развития либерально-демократической революции 1868–1874 гг. третья «карлистская война» (1872–1876) получила новый импульс к развитию, когда новый лидер карлистов Карлос VII в очередном своем «Манифесте к испанцам» призвал их всех встать на защиту «святой религии наших отцов», «собственности» и «промышленности» против «аморальности» и «анархии»⁶⁹. Добившись определенных военных успехов и господствуя на значительной части территории Испании, как политический деятель Карлос VII сумел создать то, что до сих пор не удалось ни одному из его предшественников, – «подлинно, – по словам Клемента, – независимое государство»⁷⁰. Для этого Карлос VII был вынужден восстанавливать средневековые свободы (фуэросы) подвластных ему испанских провинций

⁶⁷ Sans Puig J.M. *Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil.* p. 102.

⁶⁸ Seco Serrano C. *Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo.* p. 83, 96–98.

⁶⁹ Carlos VII a los españoles // *Los manifiestos políticos en el siglo XIX (1808–1874).* Barcelona: Ariel, 1998. P. 195–196.

⁷⁰ Clemente J.C. *Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles.* Barcelona: Martínez Roca, 2001. P. 205.

(Каталонии, Валенсии и Страны Басков)⁷¹, которые, однако, сразу же демонстрировали все ограничения нового карлистского проекта, поскольку были обращены в прошлое. Было очевидно, что в столице Карлоса VII, как в свое время и Карлоса V, за исключением небольших групп специфических политических интересов, никто не ждет. Более того, приняв экономическую поддержку со стороны крупной буржуазии, желавшей вернуть на испанский престол королеву Изабель II⁷², Карлос VII оказывался в роли объекта, а не субъекта политического процесса. Все это содействовало развитию и укреплению в лагере карлистов пессимистических настроений, заставивших в конечном итоге и Карлоса VII выйти из войны и со словами «Я вернусь» покинуть пределы Испании.

Несмотря на то, что в конце 1860-х гг. часть карлистов по-прежнему исповедовали идеи, взгляды и ценности потенциально праворадикального консерватизма, а Карлос VII демонстрировал «религиозную экзальтацию» и говорил об «испанизме» как общеиспанском национализме и «легитимной и подлинной монархии», за которой скрывалась так называемая «традиционная испанская монархия» и «анти-парламентаризм» как частное проявление протоавторитаризма, а также «децентрализация»⁷³, производная от «средневеко-

⁷¹ Ibid. p. 205.

⁷² Ibid.p. 205.

⁷³ Clemente J.C. Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles. Barcelona: Martínez Roca, 2001. P. 141–241, 145–147, 152.

вого – форалистского – федерализма»... «некоторые карлисты, – пишет Санс Пуиг, – воспользовались законной рамкой, которую предоставляла Революция, чтобы войти в политическую игру»⁷⁴, т. е. перейти от военных действий к парламентской деятельности, от радикального карлизма – к умеренному, что фактически было еще одним шагом в утверждении политической линии «предателя» генерала Марото в качестве карлистского «мейнстрима». Отсюда и поражение карлизма в третьей «карлистской войне», после которой это движение перестает существовать как совершенно самостоятельное уже навсегда.

В итоге сокрушительное поражение карлистского движения во всех трех войнах предопределило и генеральную логику его политико-идеологической эволюции справа налево: от правой – радикальной – тенденции (во времена Карлоса V) к левой как умеренной (во времена Карлоса VII), раскрывшейся в полную силу уже после окончания третьей «карлистской войны». При этом все три претендента на испанский престол – вопреки явно ройалистским настроениям в среде рядовых членов движения – оказывали на этот процесс весьма опосредованное влияние. Заявляя различные политические лозунги по ситуации, они не только постоянно уклонялись от личного участия в военных действиях, но и вели различного рода сепаратные переговоры о династических компромиссах как с правящей ветвью испанских Бур-

⁷⁴ Sans Puig J.M. *Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil.* p. 124.

бонов во главе с королевой Изабель II, так и с иностранными правительствами как посредниками. Отсюда определяющим фактором в политико-идеологической эволюции карлистского движения становятся не его лидеры — представители так называемой «легитимистской династии», а, так скажем, «среднее звено» участников движения — первоначально это были радикально настроенные генералы, а затем уже и более умеренные политические деятели-традиционалисты, за которыми шли или стояли либо жители каких-то испанских провинций, либо некие политические группы интересов. Именно они и сформировали тот самый «мейнстрим», который в конечном итоге и превратил карлизм в XX в. уже в сугубо маргинальное социально-политическое движение. Общая же логика политико-идеологической эволюции карлистского «мейнстрима» представлена в таблице ниже.

	Первая карлистская война (1833-1839)	Вторая карлистская война (1846-1849)	Третья карлистская война (1872-1876)
Политические силы	1. экзальтированные реалисты 2. чистые абсолютисты 3. паписты	1. умеренные реалисты 2. умеренные абсолютисты 3. военные «транзакционисты» 4. теоретики	1. форалисты 2. антицентралисты
Проблематика	1. религиозный вопрос 2. восстановление инквизиции	династический вопрос	1. фуэросы 2. аграрная реформа
Лозунг	«Да здравствует Инквизиция!»	«Бог и легитимный король!»	«Король и фуэросы!»
Идеологический вектор	Господство правой, радикальной, тенденции	Колеблющийся между радикализмом и умеренностью традиционалистский центр	Усиление левой, умеренной, тенденции

Наиболее ярко генеральная логика в политико-идеологической эволюции карлизма XIX в. проявится в судьбе некогда радикально настроенного генерала Кабреры. Так, еще во вторую «карлистскую войну» Кабрера, не добившись никаких военных успехов, начнет выступать с примиренческих позиций и «провозгласит эпоху Инквизиции и интолерантности умершей»⁷⁵, после чего уедет в Великобританию, где женится на богатой англичанке М.К. Ричардс и поведет жизнь богатого рантье. В начале 1860-х гг. Кабрера уже открыто будет проявлять скептицизм в отношении будущего

⁷⁵ Ibid, p. 104.

карлизма⁷⁶, а в 1869-ом наотрез откажется участвовать в третьей «карлистской войне», притом что Карлос VII специально съездит в Лондон, чтобы попросить его об этом лично⁷⁷. В 1875 г. Кабрера признает легитимность Альфонсо XII⁷⁸, сына Изабель II, что для любого карлиста до сих пор является недопустимым в принципе, поскольку размывает саму идею борьбы. «Кабрера был разочарован»⁷⁹, — напишет о последних годах жизни карлистской легенды граф де Родесно.

Список литературы

1. Carlos VII a los españoles // Los manifiestos políticos en el siglo XIX (1808–1874). Barcelona: Ariel, 1998. P. 195–196.
2. *Clemente J.C.* Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles. Barcelona: Martínez Roca, 2001. – 254 p.
3. *Clemente J.C.* El Carlismo en el Novecientos español (1876–1936). Madrid: Huerga y Fierro, 1999. — 191 p.
4. Convenio de Vergara // Las guerras carlistas en sus documentos. Barcelona: Ariel, 1998. P. 91–92.
5. *González Cuevas P.C.* Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días. Madrid: Biblioteca nueva, 2000. — 525 p.

⁷⁶ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. p. 27, 10, 206–207, 235.

⁷⁷ Там же, p. 9, 54–55, 57–61, 103–104, 116–117, 188–192.

⁷⁸ Sans Puig J.M. Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil. p. 131, 136–137.

⁷⁹ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. P. 58.

6. *Larrayoz Zarranz J.* La segunda guerra carlista en Navarra, 1848–1849 // *Príncipe de Viana*. 1956. № 63. P. 167–195.

7. Proclama de Cabrera // *Las guerras carlistas en sus documentos*. Barcelona: Ariel, 1998. P. 93–94.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.